

УДК 81.161.1+81.161.3+811.111

UDC 81.161.1+81.161.3+811.111

**ПРЕДМЕТНЫЕ ОБРАЗЫ
ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

**OBJECT IMAGES
OF HUMAN INNER WORLD
IN RUSSIAN, BELARUSIAN
AND ENGLISH**

О. Ю. Шиманская,
*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка
экономических специальностей
факультета международных отношений
БГУ*

O. Yu. Shymanskaya,
*Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department
of English for Economics,
Faculty of International Relations,
Belarusian State University*

Поступила в редакцию 12.04.16

Received on 12.04.16

В статье осуществляется сравнительно-сопоставительный и типологический анализ предметных метафор внутреннего мира человека на материале субстантивов русского, белорусского и английского языков. В структуре продуктивной метафорической модели, концептуализирующей внутренний мир человека как предметную сущность, на основе систематизации выборки из толковых словарей и художественных текстов автор выделяет ряд частных моделей, обладающих высокой степенью продуктивности. В статье описываются метафорические модели «Человек – это механизм», «Внутренний мир человека – это здание», «Предметы-орудия – это способы влияния», «Следы – это воспоминания, отражение опыта», а также ряд частных моделей и метафорических проекций в структуре каждой из них. Особое внимание обращается на специфику некоторых групп метафор, в частности, приобретение словами с первичным предметным значением квантитативной семантики при утрате эмоционально-оценочного компонента, а также преимущественно функциональный аспект метафоризации значений, связанных с предметной областью. Приводимый в статье анализ позволяет сделать выводы о семантических универсалиях в рассматриваемых языках, а также зафиксировать случаи несовпадения переносных значений при эквивалентности первичных.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, метафорическая проекция, внутренний мир человека, семантическая сфера, полисемия, квантитативная метафора, семантическая универсалия.

The article provides comparative and typological analysis of object metaphors of the human inner world based on nouns in Russian, Belarusian, and English. The author manifests a productive metaphorical model which conceptualizes human inner world as an object and provides examples from dictionaries and literary texts. Within the generic model "Human Inner World is An Object" there is a number of specific models with a high degree of productivity such as 'A person is a mechanism,' 'Human inner world is a building,' 'Instruments are means of influence,' 'Footprints are reflection of experience'. Each model is represented by sub-models and metaphorical projections. Particular attention is drawn to the specificity of certain groups of metaphors, in particular, the acquisition of quantitative semantics by some words with primary object meanings, accompanied by the loss of emotional and evaluative component. Another specific feature of the analyzed metaphors is prevalence of functional aspect in the process of metaphorization. The research allows to draw conclusions about the semantic universals, as well as reveal some cases of divergence of source and target domain meanings of object metaphors in the three languages.

Keywords: metaphor, metaphorical model, metaphorical projection, human inner world, semantic sphere, polysemy, quantitative metaphor, semantic universal.

Введение. Преобладание вторичных номинаций, используемых в языках для описания и характеристики явлений внутреннего мира человека, над первичными, прямыми – «свидетельство того, что эта сфера является продуктом развития сознания в процессе абстрагирования от свойств и проявлений предметных реалий» [1, с. 73], в связи с чем анализ механизмов метафори-

зации и выделение метафорических моделей помогает не только наиболее полно описать языковую картину мира носителей определенного языка, но и способствует выявлению когнитивных универсалий – общих законов концептуализации знаний о человеке в мире.

«Одно из основных назначений языковой метафоры – служить обозначением психиче-

ских и социальных сущностей», поэтому «почти половину всей метафорической лексики составляют языковые метафоры, обозначающие явления психического мира» [2, с. 95]. Отдельные феномены внутреннего мира человека (эмоции, интеллектуальная и речевая деятельность, приятные и неприятные чувства и др.) становились предметом исследований Дж. Лакофа и М. Джонсона, А. Вежбицкой, Ю. Апресяна и др., тем не менее, комплексное сопоставительное представление лексических средств репрезентации внутреннего мира человека через описание базовых метафорических моделей не было осуществлено в полной мере до настоящего момента.

Основная часть. Продолжая начатое исследование метафорических средств репрезентации внутреннего мира человека в языке [3], автор ставит задачу более детального описания каждой из семантических сфер, а также привлечение к сопоставлению трех языков – русского, белорусского и английского – с целью обнаружения типологических закономерностей и языковых универсалий.

Систематизация психологических метафор относительно источника мотивации показывает, что одной из наиболее продуктивных сфер метафоризации выступает лексико-семантическое поле «предмет». Метафорическая продуктивность сферы реальных предметов объясняется общим законом метафоризации – стремлением объяснять сложное и недоступное непосредственному восприятию простым и осязаемым.

Общей особенностью метафоризации полисемантов предметной сферы является преимущественно акциональный характер фокуса метафоры. Это означает, что не сами предметы (как, например, в случае антропонимии или сопоставления предмета с предметом), но их функции и качества служат источником переосмысления. Само предназначение предмета – выступать объектом или инструментом в процессе активности субъекта (человека) – обуславливает тяготение предметных наименований к функциональности, особенно в метафорическом поле психологии человека, где потребность в номинации имеют не столько состояния и функции, сколько аспекты их проявления [3, с. 40–41].

На основе систематизации полисемантов с предметной соотнесенностью, а также слов, входящих в тезаурус этой сферы, мож-

но констатировать наличие нескольких общих моделей, или путей метафоризации, через которые человек устанавливает сходство между своим внутренним состоянием и реалиями и предметами окружающего мира.

Метафорическая модель «Человек – это механизм». Деятельность человека, его психофизиологические состояния часто сравниваются с работой механизмов или существованием объектов действительности. Полисемант *механизм* выступает гиперонимом данной модели и метафорически характеризует внутренний мир человека как сложную структуру, действующую по определенным законам. Общий семантический вектор модели направлен на обозначение сознательного, причинно-следственного характера психологических проявлений, такие метафоры часто лишены яркой эмоциональности, чувственности за счет достаточно высокой степени лексикололизации: *механика человеческих отношений, трафарет-насыть мышления, intellectual equipment 'интеллектуальное оборудование', keep your radar tuned to changes at work 'настройте свой радар на изменения в работе'*.

В поэтическом языке узуальные метафоры данной модели могут приобретать эмоционально окрашенное звучание: *Сердца – такие ж моторы. / Душа – такой же хитрый двигатель* (В. Маяковский). *О, маятник душ строг – качается глух, прям* (О. Мандельштам). *Какие там «свершенья» ни верши, / мертвы стоячие часы души* (И. Северянин).

Часто определенные свойства предметов (как правило, функциональные) выступают источником метафорической мотивации, например *рычаг, пружина* трактуются как механизмы воздействия, *магнит* – как что-то, привлекающее внимание или интерес: *Наш юных не берет / заржавленный магнит* (И. Анненский), *карусель жизни, балючая струна ў душы, унутраныя пружыны паводзін, truth was the mainspring of his thoughts 'правда была основной пружиной его мыслей', hormones are the motor of the sexual functions 'гормоны – это мотор сексуальных функций', to lose political leverage 'терять политические рычаги', the emotional see-saw of the first love-affair 'эмоциональные качели первой влюбленности'*.

Метафорическая модель «Внутренний мир человека – это здание». Концепт «дом» является одним из базовых для любо-

го носителя языка, обозначая, с одной стороны, вместилище вещей и людей, и с другой – систему представлений об оппозициях «свое – чужое», «родное – неродное». Наибольший диапазон метафор этот фрейм создает в экзистенциальной сфере, однако в рассматриваемом метафорическом поле также есть таксоны, соотносящиеся с постройками и их частями и локально ограниченными территориями.

Само тело человека еще с древности воспринимается как храм духа, душа человека, его память выступают в качестве вместилищ чувств и мыслей: *Печаль мне спутница в дороге... / меня венчали с нею Боги / в ужасном храме лютых бед* (И. Долгоруков). *Тишайшее пристанище души, о, дружба!* (И. Богданович), *храм души, святилище души, тюрьма души, дальние углы души, патаемная сховы души, тайнік сэрца, лабіринты памяці, сховань памяці, the dark recess of his soul 'темная ниша его души', labyrinth of conflicting feelings 'лабиринт противоречивых чувств', his mind was a rich repository of the past 'его память была хранилищем прошлого'*. Очевидно, что семантическая структура источника мотивации проецируется на обозначаемое, высвечивая семьи 'скрытость', 'тайность': *Заветных дум твоих в тайник давно взор опытный проник* (В. Бенедиктов).

Экстериаризация чувств, свободное выражение мыслей метафорически отражаются как выход на поверхность, открытие закрытого: *Ты приоткрыла мне таинственную дверьцу. / Ты искру бросила от сердца прямо к сердцу* (К. Бальмонт). *Хор чувств разноголос / И сердце спит за ставней* (И. Северянин), *открыть истину, адчыніць аконне души, даць выхад пачуццям, не знаходзіць аддушыны, an access of rage 'выход гнева', an outlet for his energies 'выход его внутренней энергии', give vent to anger 'дать выход (дословно – отдушину) гневу'*. Интересно, что в английском языке closure 'закрытие' обозначает ощущение облегчения после неприятного переживания либо состояния.

Номинации частей строений, служащих для укрепления (*фундамент, падмурак, апора, bedrock, buttress, prop*), становятся источником метафор, обозначающих что-то важное, обоснованность определенных идей и взглядов, эмоциональную стабильность, уверенность (внутреннюю либо привносимую извне): *алтарь славы, ідэалагічны*

падмурак, не знаходзіць ні ў кога апоры ў адносінах да каго-н., духоўная апора, honesty is the bedrock of a good relationship 'честность – основание хороших отношений', the emotional prop of the marriage 'эмоциональные опоры брака'.

В составе рассматриваемой модели есть группа метафор, имеющая общее значение 'ограниченность'. Метафорическая модель ограничителя – одна из наиболее развитых моделей-констелляций [4], использующих наименования сооружений и частей зданий (*стена, wall, cage*) для метафорического обозначения обособленности, одиночества, защитных механизмов психологии личности, в том числе неискреннего поведения: *Медленно съезжился мир мой... / Я за ширмой! За ширмой!* (В. Ходасевич), *пакутлівая сцяна маўчанья, хараство – дзявочая шыльда, шырма святасці, a wall of silence 'стена молчания', a cage of his loneliness 'клетка одиночества', a screen for unexamined prejudice 'загородка от предрассудков', just a blind for his wife 'всего лишь прикрытие (дословно – занавеска) для жены', her flawless façade masked private despair 'за ее безупречным фасадом скрывалась личная трагедия'*.

Ограниченность возможностей достижения цели либо сложности в отношениях передают полисеманты *стена, барьер, препятствие: психологический барьер, між нами не будзе ніякіх перагародак, камунікатыўныя бар'еры, an emotional block 'эмоциональный блок', a bar to a good relationship 'препятствие (дословно – перегородка) для хороших отношений', a barrier of distrust 'барьер недоверия'*.

Метафорическая модель «Предметы-орудия – это способы влияния». Отдельные продуктивные модели образуют наименования упряжи (*хомут, ярмо, leash, yoke, fetters*), предметов насилия (*кандалы, путы, оковы, цепь, вериги, chain, bond, shackles*) и охотничьих реалий (*капкан, сеть, силки, силок, trap, net, snare*). Довольно разные по семантике, слова этой подгруппы имеют общность в структуре фокуса метафоры: в каждом высвечиваются значения 'ограничение свободы', 'негативное воздействие': *О черный бич страдания! О ненависти зверь!* (З. Гиппиус). *Нам думы и думы достались в удел, тяжелым ярмом налегая* (И. Аксаков). *Не давило горя бремя свежих молодости сил* (И. Суриков), *бремя тяжелых дум, бранные цепи*

помыслов, **вериги** мук, **ярмо** житейской суеты, **узы** бытия, **сямейны хамут**, *he kept a tight leash on his emotions* 'он держал свои эмоции в узде'.

Когнитивная структура источника с исходными лексико-семантическими вариантами охотничьих реалий может приобретать дополнительное значение привлечения внимания, соблазна: **сети** любви, **опутать сетью** комплиментов, **прынада** для сэрацаў, **трапіць у сіло** каханья, **заблытацца ў сілок** гіпнатызёра.

Часто метафоры с первичным значением 'предметы насилия' и т. п. употребляются для характеристики негативных социальных явлений: **оковы** рабства, **апалі векавыя аковы**, **кайданы** рабства, **зняць ланцуг** пакуты, **збыць пакутныя вярыгі**, *the fetters of convention* 'оковы условностей', *to throw off the shackles of racism* 'сбросить оковы расизма'.

Как свидетельствуют примеры, ограничение свободы внутреннего человека, как правило, характеризуется как негативное явление, тем не менее, в сочетании с наименованиями положительных чувств и явлений названные слова приобретают положительную коннотацию, характеризуя крепость, значимость, поддерживающие свойства отношений: **узы** любви, **дружественные узы**, **цепь** дружества, **bonds of affection** 'узы привязанности', **the yoke / chains of love** 'узы любви', **a bond of understanding** 'узы взаимопонимания'.

В семантической структуре полисеманта **цепь** (во всех трех рассматриваемых языках) может актуализироваться сема 'последовательность', тогда это слово обозначает непрерывный ряд впечатлений, мыслей и т. п., таким образом приобретая количественный характер (аспект метафорической характеристики нивелируется): **цепь ассоциаций**, **ланцуг асацыяцый**, **a chain of images**. Наиболее часто значение 'ограничитель' характерно для бинарных структур с зависимым словом в форме единственного числа, а количественное значение – структурам с формой множественного числа. Сравним: **ланцуг пакуты** 'неприятное переживание, страдание' и **ланцуг пакут** 'череда, несколько неприятных переживаний, страданий', **chains of sorrow** 'неприятное переживание, страдание' и **a chain of thoughts** 'несколько мыслей'.

Метафорическая модель «Следы – это воспоминания, отражение опыта». Отдельную семантическую группу в пред-

метной области составляют слова, обозначающие различные следы, отпечатки, части материала, добавленные к основной поверхности чего-либо. Как правило, такие метафоры используются для обозначения воспоминаний, оставивших «след» в душе человека, а также внешнего проявления в поведении, словах, виде человека, каких-либо его внутренних качеств или пережитого опыта: **Печать** божественной руки легла не многим на чело (С. Городецкий), **следы** недавней обиды, **сляды** шчырай радасці, **след** гаворкі, **a stamp of genius** 'печать гениальности'.

Достаточно часто вторая группа значений приобретает негативную коннотацию: **клеймо** воспоминанья, **печать** страстей, **кляймо** здрадніцтва, **the brand of dipsomania** 'клеймо алкоголизма', **a streak of insanity in the family** 'печать безумия на всей семье'. Полисеманты рассматриваемой модели могут приобретать также количественное значение для описания степени проявления качества или чувства: **Горькие думы** – **лохмотья** печалей **нагло** просили на чай, на ночлег (А. Блок), **абрыўкі** думак, **примесь** гаркаватага скепсісу, **without a vestige of sympathy** 'без тени сочувствия', **a trace of a smile** 'след улыбки', **not a shred of evidence** 'ни малейших доказательств', **residues of Christian upbringing** 'остатки христианского воспитания'.

Заключение. Таким образом, на примере нескольких метафорических моделей нами были описаны основные регулярные переносы из области предметных значений на сферу внутреннего мира человека. Сопоставительный анализ показал, что представление человека в виде механизма и вместилища чувств и мыслей является семантической универсалией для трех описываемых языков, также как и функциональный аспект реализации переносных значений в рамках «предметной» сферы. Многие полисеманты рассматриваемой группы могут приобретать количественное значение при одновременной утрате образности и оценочности, свойственной метафоре.

Полученные выводы, а также предлагаемая в статье выборка рядов метафор с общими и специфическими семантическими компонентами имеют важное значение для теории и практики обучения русскому, белорусскому и английскому языку, сопоставительного изучения лексических систем, совершенствования процесса межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия, В. Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке / В. Н. Телия // Сущность, развитие и функционирование языка : сб. ст. – М. : Наука, 1987. – С. 65–74.
2. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – 2-е изд. – СПб., 2004. – 166 с.
3. Шыманская, В. Ю. Метафарычная рэпрэзентацыя псіхалагічнай сферы чалавека ў беларускай і англійскай мовах (на матэрыяле субстантываў) (з электронным дадаткам) / В. Ю. Шыманская. – Мінск : РІВШ, 2016. – 124 с.
4. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей / А. Н. Баранов // Научно-образовательный портал «Лингвистика в России»: ресурсы для исследователей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uisrussia.msu.ru/linguist/_A1_2_4_1_metaphor.jsp. – Дата доступа: 20.03.2008.

REFERENCES

1. Teliya, V. N. O spetsifike otobrazheniya mira psikhiki i znaniya v yazyke / V. N. Teliya // Sushchnost, razvitiye i funktsionirovaniye yazyka: sb. st. – M. : Nauka, 1987. – S. 65–74.
2. Sklyarevskaya, G. N. Metafora v sisteme yazyka / G. N. Sklyarevskaya. – 2-ye izd. – SPb., 2004. – 166 s.
3. Shymanskaya, V. Yu. Metafarychnaya reprezentatsyya psikhalagichnay sfery chalaveka u belaruskay i angliyskay movakh (na materyyale substantyvau) (z elektronnym dadatkam) / V. Yu. Shymanskaya. – Minsk : RIVSh, 2016. – 124 s.
4. Baranov, A. N. Deskriptornaya teoriya metafory i tipologiya metaforicheskikh modeley / A. N. Baranov // Nauchno-obrazovatelnyy portal "Lingvistika v Rossii": resursy dlya issledovateley [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: http://www.uisrussia.msu.ru/linguist/_A1_2_4_1_metaphor.jsp. – Data dostupa: 20.03.2008.

Дана зінторый БІЛШ